

Протоиерей Валериан Кречетов
Протоиерей Сергей Правдолюбов
Протоиерей Георгий Бреев
Протоиерей Владимир Тимаков
Феодора Никитична Кузовкова
и другие

Ольга Гусакова

Хранители веры

2-е издание

О жизни Церкви
в советское время:
автобиографические
истории

Ольга Гусакова

**Хранители веры. О жизни
Церкви в советское время**

«Никея»

2014

УДК 238.2
ББК 86.372

Гусакова О.

Хранители веры. О жизни Церкви в советское время /
О. Гусакова — «Никея», 2014

ISBN 978-5-91761-843-2

Двадцатый век для России стал временем испытания подлинной веры и принес Церкви сонм новомучеников и исповедников. Но помимо них, были еще тысячи христиан, пронесшие православную веру сквозь десятилетия атеизма. В книге собраны интервью именно с такими людьми. Это священники и миряне, напрямую столкнувшиеся с гонениями или прожившие внешне спокойную жизнь. Их объединяет главное – Христос, веру в Которого они сохранили в советские годы. 2-е издание

УДК 238.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-843-2

© Гусакова О., 2014
© Никея, 2014

Содержание

Предисловие	6
Протоиерей Валериан Кречетов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Гусакова
Хранители веры. О жизни
Церкви в советское время:
автобиографические истории

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС 14-321-2593

В книге использованы фотографии из личных архивов героев, из приходского архива храма Покрова Божией Матери села Акулова, а также фотографии Р. Захарова, А. Героева, В. Нефедова, А. Новик, А. Дуковского

Предисловие

Идея создания этой книги возникла из печального наблюдения: с каждым годом рядом с нами остается все меньше людей, способных поведать о жизни Церкви в советское время. Иногда уже в ходе работы над книгой оказывалось слишком поздно: батюшка с удивительной судьбой, близко знавший многих подвижников XX века, в силу возраста не смог подробно рассказать о себе; инокиня, принявшая тайный постриг в 1960-е годы, ушла из жизни, успев провести с нами лишь одну встречу, и ее повествование так и осталось незавершенным... Казалось бы, проще обстоит дело с людьми более молодыми, родившимися после войны. Но, как выяснилось, многие из них пришли в Церковь лишь после перестройки. Потому особенно ценны истории людей, выросших в Православии или обратившихся к нему в период, когда быть христианином значило не просто плыть против течения, но нередко – рисковать многим.

Выступая отчасти автором, отчасти редактором-составителем данной книги, я хочу поблагодарить Марину Нефедову за предоставленную расшифровку рассказа Феодоры Никитичны Кузовковой, в более краткой редакции опубликованного в журнале «Нескучный сад», и за интервью с протоиереем Иоанном Каледой, проведенное специально для этого сборника; Арсения Загуляева за его беседу с Андреем Борисовичем Зубовым, а также всех, кто принял участие в работе над книгой.

О судьбе Церкви в советские годы написано немало, издано множество документов и воспоминаний. Могут ли девять небольших историй открыть что-то новое? Мы – автор и издатели этой книги – убеждены, что могут. Путь каждого человека уникален, и мы не боялись повториться. Но главное, собранные под одной обложкой, эти интервью прочитываются иначе, чем каждое по отдельности. Не претендуя на полноту охвата, мы тем не менее старались побеседовать с людьми самыми разными. Поэтому в книге вы найдете рассказы не только известных священников, но и простых прихожан, обычно остающихся в тени. Православие с колыбели или мучительный экзистенциальный кризис, приведший к Богу? Репрессии, погибшие в лагерях родственники, вызовы на Лубянку или внешне спокойная жизнь без преследований и угроз? У каждого из наших героев свои ответы на эти вопросы. Но именно в таком калейдоскопе несхожих обстоятельств высвечивается то главное, что помогает понять, как люди Церкви в советские времена сохранили веру.

Мотив сохранения Православия, преемственности церковных традиций отчетливо звучит в большинстве бесед. Живой пример родителей и близких, опыт духовных наставников, связь поколений и трагедия разрыва этого преемства – среди ключевых тем книги. Поэтому ее название справедливо можно отнести не только к титульным героям девяти историй, но и к тем, о ком они вспоминают: прославленным новомученикам, подвижникам и духовникам XX века и еще многим людям – известным и не очень. И все же в каждом интервью звучит живой голос одного конкретного человека – рассказчика, а расспрашивая его о, казалось бы, ушедшем прошлом, мы в конечном счете задаем очень важные вопросы самим себе.

Работа над книгой велась в 2013 году, первое издание вышло в 2014 году. С тех пор изменились жизненные обстоятельства некоторых героев, но в книге сохранена информация, актуальная на момент беседы с ними.

Ольга Гусакова

Протоиерей Валериан Кречетов

В наши времена верующих просто сажали. Поэтому отец сказал нам прямо: «Собираетесь священниками быть? Готовьтесь к тюрьме».

Протоиерей Валериан Кречетов (род. 1937) – один из старейших клириков Московской епархии, авторитетный духовник, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы села Акулова Одинцовского района. Рукоположен в 1969 году, в 1973 году окончил Московскую духовную академию.

– Отец Валериан, расскажите, пожалуйста, о своей семье.

– Мама моего отца, моя бабушка, Мария Арсеньевна Морозова, происходила из старообрядческого купеческого рода Морозовых.

Дед Валериан Петрович и прадед Петр Гаврилович были из города Обоянь, из-под Курска. Приехали в Москву. И вот Петр Гаврилович стал специалистом по шерсти, выражаясь современным языком, товароведом. Он был арбитром в спорах между купцами. Представьте, что это такое? Он неподкупным был совершенно. Его очень любили и уважали в своей среде. А его сын Валериан Петрович стал специалистом по хлопку, текстилю. Валериан Петрович два года жил в Англии, в Ливерпуле. Затем ездил по Европе и овладел четырьмя языками: английским, немецким, французским и итальянским. И вот как раз Валериан Петрович (мой дед) женился на Марии Арсеньевне Морозовой (моей бабушке), которая была из старообрядческой семьи.

Ее отец, Арсений Иванович Морозов, владел Богородской мануфактурой, поддерживал старообрядческую общину. И когда его дочь решила выйти замуж не за старообрядца, он, конечно, был против. Но они тайно венчались, вступили в брак вопреки воле родителей. И Арсений Иванович потом жалел, что сначала не принял своего зятя. «Зря я, – говорит, – упирался. Можно было Валериана вместо себя хозяином мануфактуры оставить». Самому же Арсению Ивановичу уже после революции Виктор Ногин¹, который был рабочим на мануфактуре в Богородске, а затем советским деятелем, предлагал остаться на фабрике управляющим. Но Арсений Иванович отказался: «Нет, я с вами не смогу работать». Он отдал все это производство и умер своей смертью в 1932 году, его никто не тронул.

Дедушка, Валериан Петрович, по характеру был очень прямолинейный человек. Во время войны он жил с нами – мы были в оккупации под Волоколамском, село Ильинское. Так вот, дед на разных языках говорил, потому он с немцами общался и способствовал освобождению некоторых людей. Но некто сотрудничавший с немцами, прислуживавший им, оклеветал деда, сказал, что он предатель. Его забрали, так он и не вернулся. Мы не знаем, где он умер.

И вот у бабушки и дедушки родился сын Михаил, мой отец. Когда вырос, стал бухгалтером, специалистом в сфере хлопкового производства. Кстати, много лет позже, будучи уже священником, папа увидел экономические сводки одной из советских фабрик трикотаж. Он сказал: «Нерентабельно работают». То есть он с первого взгляда мог определить нерентабельность производства.

А мама, Любовь Владимировна, была родом из Коломны. Ее отец, Владимир Васильевич Коробов, – инженер. А мамин дед по матери, Илья Николаевич Серебряков, был молочным братом И. С. Тургенева и потом управляющим его имения.

Моя мама до девяноста лет прожила. Она была физически очень сильным человеком, в детстве занималась спортом – фигурным катанием, акробатикой, гимнастикой. Гроза улицы была, трепетали ее все. А в пятнадцать лет она решительно повернулась и стала ходить в церковь и петь на клиросе. И вот с пятнадцати до девяноста лет – семьдесят пять лет – пела она в церкви. В 1947 еще году, то есть в сорок четыре года, она с нами на коньках каталась на реке. Мы ей только помогали коньки к валенкам прикручивать.

Папа тоже был спортивный, развитый физически – занял как-то первое место в московских соревнованиях по академической гребле. Он был загребным в восьмерке, задавал темп. Он и боксом немножечко занимался, был знаком с Константином Градополовым² – известнейшим боксером двадцатых годов. Так что родители оба спортивные были люди.

---

¹ Ногин Виктор Павлович (1878–1924) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель. С 1893 по 1896 г. был рабочим на Богородско-Глуховской текстильной мануфактуре в городе Богородске (ныне Ногинск) Московской губернии.

² Градополов Константин Васильевич (1904–1983) – советский спортсмен, киноактер.

– А как ваш папа к вере пришел?

– Это было мгновенное действие благодати Божией...

Мой отец родился в 1900 году, то есть его молодость как раз пришлась на послереволюционные годы, и под влиянием новых веяний он отдалился от Церкви. И вот как-то, это было, наверное, в 1922 году, мама, моя бабушка, попросила его Великим постом пойти в церковь причаститься. Сказала: «Миш, я тебе в ноги поклонюсь, только сходи причастись постом». «Ну что ты, мама, я и так схожу», – ответил он и пошел на Арбат в храм святителя Николая в Плотниках к отцу Владимиру Воробьеву³ (деду нынешнего ректора ПСТГУ протоиерея Владимира Воробьева). Маму очень уважали в семье, потому он и пошел. Пришел на исповедь. А мыслей о покаянии у него никаких не было: стоял рассматривал девушек в храме. Подошла его очередь исповедоваться, священник спрашивает: «Ну что скажете, молодой человек?» Папа отвечает: «Мне нечего сказать, я не знаю, что сказать». – «А что же вы пришли?» – «Меня мама попросила». Тогда священник помолчал немного и ответил: «Это очень хорошо, что вы маму послушали», – накрыл его епитрахилью и начал читать разрешительную молитву. И вот он рассказывал, что и сам не понял, что с ним произошло: зарыдал, благодать почувствовал, слезы полились, как из крана вода течет, и, когда шел обратно, мир для него враз стал совершенно иным. Так благодать Божия мгновенно подействовала. Наверное, и мать за него молилась.

С этого времени отец стал ходить в церковь. В этом храме он познакомился со своей будущей женой, моей мамой. Она не только пела в хоре, но потом и управляла хором, хотя не училась этому специально.

И они стали общаться. А он же мастер спорта, чемпион Москвы по академической гребле. И мама, которая была острая на язык, как-то ему говорит: «А вы плавать-то хоть умеете?» Мастер водного спорта – и не умеет плавать! Он думает: «Ух какая девица! Никогда на такой не женюсь!» Но оказалось, лучше-то ведь ее нет!

При этом я не помню, чтобы мама про кого-нибудь сказала плохо, кого-нибудь осудила. Папа любил приговаривать: «По имени твоему тако и житие твое». А саму ее звали Любовь.

– *Батюшка, ваш папа был репрессирован, расскажите об этом подробнее.*

– Да, с 1927 по 1931 год он находился на Соловках, где был лагерь – СЛОН⁴, и в Кеми. Город Кемь расположен на полуострове, который вдается в Белое море, там тоже была зона.

Когда он был в лагере, ему в видении, как он нам рассказывал, открылся тот, иной, мир. Папа начинал рассказ так: «Был закат, я смотрел на море... И вот небо открылось и закрылось. Я увидел тот мир. Он был более реальный, чем наш». Это свидетельство отца, как Господь давал откровения в тех местах. Господь подкреплял верующих, бывших в заключении, давал откровения.

А того, что тот мир реален, свидетельств очень много и в моей жизни было. Я не раз рассказывал, как Господь сподобил меня общаться с Владимиром Петровичем Седовым, дальним родственником митрополита Филарета (Дроздова)⁵. Он однажды мне сказал: «Я всегда был глубоко верующим, а теперь я не верую – я знаю. Ведь так вот, как я с вами говорю, я говорил

---

³ Митрофорный протоиерей Владимир Воробьев – из крестьян, после окончания Саратовской духовной семинарии в 1899 г. рукоположен в диакона, затем в иерея. В 1910–1914 гг. обучался в Московском археологическом институте. В 1918–1924 и 1925–1930 гг. – настоятель храма свт. Николая в Плотниках на Арбате. В 1924–1925 гг. был подвергнут аресту; в 1930 г. приговорен к десяти годам концлагерей, до октября 1932 г. находился в Свирьлаге (город Лодейное Поле Ленинградской области), затем из-за болезни сердца до августа 1938 г. проживал в ссылке в городе Спасск-Татарский (ныне Болгар). Арестован в третий раз с обвинением в руководстве «поповско-монархической организацией» и др., заключен в Спасскую тюрьму. Здесь в отношении него было сфабриковано еще одно дело – об «антисоветской агитации» в тюрьме, за что ему грозил расстрел. Однако в это время отец Владимир скончался (похоронен вблизи тюрьмы).

⁴ СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) – крупнейший исправительно-трудовой лагерь 1920–1930-х гг., находившийся на территории Соловецких островов, где содержались как уголовники, так и политические заключенные.

⁵ Митрополит Филарет (Дроздов, 1782–1867) – с 1821 г. архиепископ, а с 1826 г. митрополит Московский и Коломенский, богослов и просветитель. В 1994 г. прославлен в лике святых.

с человеком с того света в течение часа». Дело в том, что ему явился митрополит Филарет и беседовал с ним. Причем о конкретных вещах. Митрополит Филарет просил восстановить могилу его матери – Евдокии Никитичны Дроздовой – и сказал, где она расположена. И действительно, могила находилась именно там, где указал митрополит.

И я такие свидетельства того мира очень часто встречаю. И связь двух миров настолько конкретна, что удивляешься. Как повторяла Елена Владимировна Апушкина, моя теща, которая сама прошла годы ссылки в Казахстане, «с испытанием посылается избытие». То есть параллельно какому-то испытанию идет помощь. Это факт.

Так вот, отец мой в Кемии сидел вместе со священноисповедником епископом Коломенским Феодосием (Галицким)⁶, который умер на свободе потом в 1937 году. И как-то у них состоялся такой диалог. Папа спрашивал владыку: «Как мне быть?» – «Положитесь на волю Божию». – «Я положился». – «А чего ко мне пришел? В лучших руках дело». Такие были люди...

Самое удивительное, что почти через восемьдесят лет я участвовал в освящении престола именно в этих местах, где сидел мой отец. У Господа было устроено так, что мой отец должен был жениться, а младший из его сыновей должен был служить там, где он был эком.

Однако отец нам почти никогда не рассказывал о тюрьме. Ведь там было очень страшно. Я уже сейчас читал о Соловецком лагере, как там издевались над заключенными, он же никогда нам ничего не рассказывал. Вероятно, чтобы нас заранее не устрашать. Как отец Иоанн (Крестьянкин)⁷ сказал: «Часто люди мучаются от ожидания того, что будет». То есть мучаешься только от ожидания событий. Поэтому папа нас не пугал. Ну и, может быть, еще для того, чтобы у нас не было ненависти к власти. Он не воспитывал нас в ненависти к власти. Никогда. И у него ее не было.

– А как ваш отец стал священником?

– Ему еще в тюрьме предсказывали, что он будет священником. И супруга на него повлияла. Нас было трое детей в семье, отцу сорок девять лет, а чтобы стать священником, ему надо было учиться. И вот он говорит жене: «Как же я пойду учиться, а ты с тремя детьми останешься?» – «А ты не беспокойся. Я справлюсь. Ты иди учись». Очень сильная была женщина!

А ведь она замуж за него выходила, когда он был еще на поселении после тюрьмы. Они венчались на Соломбальских островах, сейчас это часть Архангельска, и какое-то время после свадьбы жили там. А потом, когда он был на войне, она написала письмо: «Запомни, где бы ты ни был, что бы с тобой ни было, хоть без рук, без ног, я тебя разыщу и привезу тебя. Иди исполняй свой долг». И это письмо папа носил всю войну с собой.

Мама была очень смелая. Когда была война, она давала сигналы партизанам, есть немцы или нет. Вывешивала белье. Если бы это раскрылось, то смерть была бы всей нашей семье. Но она все же делала это, хотя трое детей на ее руках были.

– Как же она страх преодолевала?

– У нее вера была очень крепкая. Ей было видение, что православная вера будет на Руси процветать. И, переживая годы гонений на Церковь, она ждала, что скоро будет возрождение Православия.

– Вы в Зарайске жили после войны?

---

⁶ Епископ Феодосий (Ганицкий, 1860–1937) – с 1920 г. епископ Коломенский и Бронницкий. Подвергался арестам в 1921–1924 и 1929–1933 гг. Скончался в селе Сушкове Луховицкого уезда Рязанской губернии. В 2006 г. канонизирован, его имя включено в Собор святых новомучеников и исповедников Российских.

⁷ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин, 1910–2006) – один из наиболее почитаемых современных старцев, бывший около сорока лет насельником Псково-Печерского монастыря. Рукоположен в иерея в Москве в 1945 г. В 1950 г. осужден на семь лет по статье «Анτισоветская агитация». С 1957 г. служил на разных приходах Рязанской епархии. В этот период принял монашество и в 1967 г. определен для служения в Псково-Печерский монастырь. Отец Иоанн известен как пламенный проповедник и духовник, принимавший поток многочисленных паломников из разных мест.

– Так мы же в Зарайск вернулись во время войны после оккупации, когда освободились, и потеряли все. Я и брат Николай родились в Зарайске, сначала он, потом я. Отец ведь поселился здесь после заключения, потому что в Москве не имел права жить. Мне с самого моего рождения была явлена настоящая милость Божия. Меня крестили в зарайском храме Нерукотворного Спаса на Спасской улице, и восприемником был сторож храма – заштатный священник, отец Михаил Рождествин. В апреле 1937 года меня крестили, а осенью того же года он был расстрелян в Бутове⁸. Господь сподобил меня такой милости – во младенчестве меня носил на руках будущий священномученик.

В 1939 году отцу предложили место под Волоколамском, в селе Ильинское. Это недалеко от знаменитого Дубосеково⁹, в тех краях где-то. И мы туда переехали. Два года прошло, и началась война. Папа добровольцем ушел на фронт. А мы с мамой остались и через некоторое время попали в оккупацию. Немцы пришли, дом сожгли. Мы валялись где-то на снегу. Стрельба шла, гранаты рвались. Но нам, мальчишкам, интересно было. «Не поднимай голову, застрелят!» – кричали нам. Мальчишки ведь есть мальчишки, хоть пятилетний, а все равно ему интересно. Потом в войну играли. А ведь все было очень серьезно – в той местности оставались после оккупации мины, они взрывались, погибало много людей.

– *Расскажите, пожалуйста, о ваших семейных традициях.*

– Мы церковной жизнью жили, то есть Рождество, Святки, Пасха... Мы жили по церковным праздникам, у нас светских праздников не было.

Вообще, устои-то в семье были серьезные. Еще дед моему отцу говорил: «Не ходи в тот дом, в котором есть девушка, на которой не собираешься жениться». То есть даже не ходить в этот дом, чтобы не давать повода девушке переживать и не бросать на нее тень. Я помню, один случай был на Урале, где я работал. Мне было трудно, общаться не с кем. А там была одна семья верующих. Хозяин бухгалтером работал. В семье было две дочери и три сына. Бабушка их, Галина Степановна, была женой царского офицера. И у нее на руках умерли пятеро детей ее. Одна дочка осталась. Следующий муж дал этой женщине свою фамилию, чтобы скрыть ее прошлое, дабы избежать неприятностей. Она Шаляпина видела, при царском дворе бывала. Интересная такая старушка. Ну, мне было интересно общаться, я ходил туда... Я просто ходил и не думал, что могут быть какие-то последствия. А потом как-то на Новый год собрались все, а я смотрю, одна из дочерей что-то в слезах. Думаю: «Кто ж ее обидел? Что такое?» А мне говорят: «Ты что, не понимаешь, что ли?» – «Не понимаю». А девушка, видимо, решила, что у меня намерения по отношению к ней... для нее мои посещения были важнее, чем для меня, ей не все равно было. Так я невольно заставил человека страдать. Это стало для меня уроком, это у меня осталось на душе тогда.

А что касается детства, я особенно и не помню, чтобы мы праздновали дни рождения, к примеру. Очень скудно жили, чего там праздновать-то? А вот на большие церковные праздники – Рождество, Пасху, День Святой Троицы – к нам собиралось много народу, батюшки приходили.

Мы вообще очень ценили, когда семья собиралась. Папа, бывало, сидит с нами: «Как я мечтал, когда был на войне, что я буду рядом с семьей своей сидеть». После войны мы жили

⁸ В 1937 г. в Подмоскovie были оборудованы спец-объекты НКВД – полигоны Бутовский и «Коммунарка», где производились расстрелы и захоронения. По имеющимся на сегодня документам, в Бутове с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г. расстреляно 20 761 человек, из них 935 священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви. Бутовский полигон находился под охраной войск госбезопасности вплоть до 1995 г., когда его передали Русской Православной Церкви. С декабря 1997 г. в здании администрации поселка Дрожжино, рядом со входом на полигон, клириками Московского Патриархата стали совершаться заупокойные службы. В 2007 г. рядом построен и освящен православный храм новомучеников и исповедников Российских.

⁹ Дубосеково – железнодорожная платформа в Волоколамском районе Московской области. Место знаменито тем, что неподалеку 16 ноября 1941 г. состоялось легендарное сражение между бойцами 2-го батальона 4-й роты 1075-го полка 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И.В.Панфилова и десятками немецких танков, наступавших в направлении Москвы.

в Зарайске, на берегу реки Осетр, – домик был с соломенной крышей. Керосиновая лампа горит, вьюга за окном. И вот мы сидим за столом. Откуда, каким образом у нас появилась семиструнная гитара? Не знаю. Но помню, папа играл на гитаре и пел. И мы, мальчишки, пели романсы, русские песни, духовные стихи. Мама подпевала. У нас была традиция петь под гитару.

Потом, когда папа ушел в семинарию, мы, мальчишки, стали сами собираться и петь. Тут Николай, брат мой, сейчас он тоже священник¹⁰, освоил гитару. А потом и я начал вспоминать аккорды, и так, на трех аккордах, как Паганини на одной струне, всю жизнь играю и пою. Так у нас было всегда. Такие были традиции.

---

¹⁰ Протоиерей Николай Кречетов (род. 1934). Окончил Московский лесотехнический институт. В 1970-х гг. окончил Московскую духовную семинарию и академию. В 1973 г. рукоположен в сан диакона, с 1973 г. служил в храме свт. Николая в Кузнецях в Москве диаконом и протодиакон. С 1992 г. – настоятель храма Спаса Преображения на Болвановке, с 1996 г. – благочинный Москворецкого округа Москвы.

Родители – протоиерей Михаил и Любовь Владимировна

– Батюшка, а вас воспитывали как-то по-особенному, что вы стали священником, богослужение полюбили?

– Дело все в том, что мы регулярно все бывали на службах. Когда переехали в Зарайск, я уже в возрасте шести лет начал в церкви прислуживать. Народу очень мало было, молодежи совсем не было. Нас – несколько мальчишек, в том числе мы, три брата, и читали, и пели. А поскольку мы в семье пели, то и в церкви пели. А другие мальчишки нас обижали, потому что мы ходили в церковь, они нас били, кричали: «А, попы!» Дразнили. А служили тогда священники, вышедшие из тюрем и лагерей, и молодые батюшки – горящие такие были!

Каждые субботу и воскресенье, во все праздники мама меня будила: «Валюшка, вставай». Встаешь и опять – бух, спать падаешь. Она рубашку наденет, я снова – бух, спать. Постепенно начинаешь просыпаться. Затем тащат куда-то, особенно зимой: по снегу, в метель. Летом, конечно, легче, но идти самому не всегда хотелось: рядом река, хотелось покупаться, побегать. А тут надеваешь обувь, как кандалы, и идешь на службу, думаешь, что это все-таки нужно. А оттуда уже радостный возвращаешься. Вот туда вроде идешь – тяжело, а оттуда – душа радуется...

Вот так с детства мы приучились к службам.

А потом большую школу дала моя теща – Елена Владимировна Апушкина, духовное чадо сначала отца Алексия Мечёва¹¹, затем его сына – отца Сергия Мечёва¹².

– Она была свидетелем церковной жизни двадцатых – тридцатых годов прошлого столетия...

– Да! Конечно... Она мне очень много объясняла, рассказывала об отце Сергии, о том, какая духовная школа была в том храме на Маросейке. Это, конечно, очень большую, неоценимую пользу мне принесло, особенно для понимания значимости богослужения.

На самом деле наше православное богослужение настолько глубоко, настолько оно красиво... Только в полноте его мало кто знает. Там такая красота раскрывается!

– А почему, как вы думаете, происходит так, что мы часто не чувствуем красоту богослужения?

– Мир открывается тому, кто по миру ездит. Так и с богослужением. Понимаете, нужно этим жить, а не приходить в церковь от случая к случаю.

Я общался с владыкой Стефаном (Никитиным)¹³, который тоже ходил на Маросейку к отцу Алексию и отцу Сергию Мечёвым. Им был дан завет: никогда никуда не ходить под праздники, под воскресенья, ни у себя ничего не устраивать – никаких праздников, мероприятий. Потому что шли в церковь.

Ведь в Церкви во всем определенный смысл. Например, предпразднство, к празднику готовятся. А затем праздник проходит, но начинается попразднство. И человек еще продолжает как бы жить этим праздником. То есть праздник расширяется. Чем больше праздник, тем предпразднство и попразднство длиннее. Устав очень премудро составлен и поучительно. Ну, я уж не говорю о церковном пении. От некоторых песнопений просто душа замирает! Вот от великопостных – особенно.

А светилен праздника Успения: «Апостоли от конец совокуплыпесе зде в Гефсиманийстей веси погребите тело Мое. И ты, Сыне и Боже мой, приими дух мой». (Поет.) Я помню, как служил эту службу отец Сергей Орлов¹⁴, который был настоятелем нашего храма в Акулове почти тридцать лет. Хор тихо поет светилен, тишина кругом, а я смотрю – у отца Сергия слезки по щекам текут. Очень умиротворяющие песнопения.

Почему напевы церковные протяжные? Они дают возможность задуматься, сосредоточиться на чем-то высоком, понимаете? Кто-то из отцов говорил: «Если я больше увлекаюсь звучанием, чем содержанием, я тяжко согрешаю». А почему чтение монотонное? Оно никому

---

¹¹ Протоиерей Алексей Мечёв (1859–1923) – один из известнейших московских священников-подвижников начала XX столетия. С 1893 г. – священник храма свт. Николая в Клённых на Маросейке, в котором прослужил до конца жизни. Здесь благодаря его пастырской деятельности, поразительной любви к Богу и людям постепенно образовалась значительная община прихожан, многие из которых также послужили Церкви в период богоборчества. Прославлен в лике святых в 2000 г.

¹² Протоиерей Сергей Мечёв (1892–1942) – сын о. Алексия Мечёва. В 1919 г. рукоположен в священники, до 1929 г. служил в храме свт. Николая в Клённых на Маросейке, с 1923 г. его настоятель. В 1927 г. отказался поддержать Декларацию митрополита Сергия (Страгородского), призывавшую к лояльности советской власти; примкнул к течению так называемых «непоминающих»; с 1929 г. несколько раз был арестован, с 1937 г. жил нелегально, встречался с духовными чадами, тайно служил литургию, благословлял на тайное священство и монашество. В июле 1941 г. снова арестован и 6 января 1942 г. расстрелян в Ярославской тюрьме. Прославлен в лике священномучеников в 2000 г.

¹³ Епископ Стефан (Никитин, 1895–1963) был одним из прихожан храма свт. Николая в Клённых, затем – председателем приходского совета. За активную церковную деятельность в 1931 г. арестован, отбывал заключение в лагере до 1934 г. В 1935 г. тайно рукоположен в священника. В 1951 г. начал служить открыто в Ташкентской епархии. В 1959 г. пострижен в монашество; в 1960 г. – хиротонисан в епископа Можайского, викария Московской епархии, назначен председателем Хозяйственного управления Патриархии. С июля 1962 г. – временно управляющий Калужской епархией.

¹⁴ Митрофорный протоиерей Сергей Орлов (1890–1975) родился в селе Акулове и был сыном священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Получил как духовное, так и светское образование, был агрономом, при советской власти занимал ответственные посты, преподавал. В браке прожил всего год, овдовел. В возрасте 56 лет (в 1946 г.) рукоположен в диакона, затем в священника и определен настоятелем церкви села Акулова. В 1950 г. окончил Московскую духовную академию. Келейно пострижен в монашество с именем Серафим; проживал со своей сестрой, тайной инокиней. В 1974 г. вышел за штат, продолжая принимать верующих для бесед. Похоронен около Покровского храма близ могил отца и деда – бывших там же настоятелями.

ничего не навязывает, а позволяет человеку сосредоточиться на том, что ему ближе. Вот в этом особый смысл богослужения.

– *И все-таки: родители воспитали вас в вере единственно собственным примером или они что-то рассказывали, чему-то учили?*

– Папа мой говорил: «Нужно не верить в Бога, а верить Богу». Потому что дело все в том, что верить в Бога, просто верить в то, что Бог есть, недостаточно. Бесы тоже веруют и трепещут. Ведь сказано: «Имейте веру Божию». Не просто имейте веру, а имейте веру Божию.

Даже, бывает, и верующие люди начинают обсуждать какие-то вопросы, и так судят, и эдак, но все с точки зрения земного знания. И вот мой духовный отец в таких случаях говорил: «Вы договорились до того, что про Бога забыли». И мой папа вот это же говорил, только другими словами. Чего-нибудь начнем рассуждать, а он заметит: «Ну да! А Бог-то? Забыли, что ли, про Бога?» Без Бога-то ничего нет и быть не может.

– *Наверное, этому доверию Богу можно научиться? Вот ваш отец прошел такой путь – от блестящего спортсмена из зажиточной семьи до узника Соловков, потом война, священство... Как можно научиться такой вере? И вообще – можно ли учиться таким вещам? Или это Бог дает?*

– Можно, можно. Бог-то дает, но не все учатся. В школе-то всех учат, но не все же учатся – преподаватель всем говорит, всем преподает, а учатся немногие. Так и с верой: Бог дает, да не все учатся. Но опять-таки: почему-то одним дано, а другим не дано.

– *Да, почему?*

– А это уже всеведение Божие. Это выше нашего разумения. Господь мог бы дать всем. Но многим кое-что дано, а они и этого не используют. Зачем еще больше давать, если это еще не используют? Поэтому не дается, толку-то никакого нет. Можно одарить всеми талантами, да мы и одного-то как следует не развиваем.

А как вере научиться? Один из псалмов пророка Давида такие слова содержит: *Яко позна враг душу мою, смирил есть в землю живот мой; посадил мя есть в темных, яко мертвыя века. Иуны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое. Помянух дни древния; поучихся во всех делех Твоих, в творениих руку Твоею поучахся* (Пс. 142: 3–5). Если будешь внимательным, то увидишь, как Господь избавляет от таких безвыходных ситуаций. И научишься вере Божией.

– *Расскажите, пожалуйста, подробнее: вы, все три брата, помогали в храме, учились в школе, потом в институте?*

– Да, все трое. Старший, Петр (недавно скончался), вообще очень серьезно относился к своим обязанностям. Когда мы, младшие, начинали баловаться, как дети, он нас строго останавливал.

– *А почему Петр не стал священником, а вы с отцом Николаем стали?*

– Это надо было спрашивать его, конечно. Но мы все имели в виду, что каждому из нас нужна профессия, отец нам говорил: «Служение священническое – это не профессия. Это служение. А профессию должны иметь». Апостол Павел делал палатки, почти все святые имели земные профессии, за счет которых они жили. Служение Богу само по себе никогда не было профессией, которая давала доход. Когда апостолы ходили с Господом, их, конечно, кормили везде, потому что Он – Учитель, проповедник, а они – Его ученики, и это было выражением почтения и благодарности. Но вообще-то апостолов Господь призвал от рыбной ловли, рыбаки они были. А как только они погребли своего Учителя, то опять пошли рыбу ловить. Одно из первых явлений Спасителя было на апостольской рыбной ловле. Апостол Павел прямо пишет, что он никогда никого не обременял, питался трудами рук своих. Один из известных всемирных святителей, Спиридон Тримифунтский, пас овец, даже будучи уже архиереем.

Такие вещи, как образование, профессия, необходимы, потому что человек должен чувствовать себя в этой жизни в земном смысле обеспеченным чем-то. Если нет профессии, кем

же ты будешь, в каком качестве среди людей? Только человеком, который нагружает других? Ну а в наши времена верующих просто сажали.

Поэтому отец сказал нам прямо: «Собираетесь священниками быть? Готовьтесь к тюрьме». Нужно было приобрести профессию, которая будет пригодна в тюрьме. Первая – врач, потому что он везде нужен. Но тут мне папа сказал: «Может быть, ты не выдержишь. Это слишком – резать трупы...» И мы с братом Николаем поступили в Лесотехнический институт, потому что заключенных на лесоповал посылали – в Сибирь, на Дальний Восток, на Север и в другие места. А старший брат, Петр, хотел попробовать себя на научном поприще, физиком стать. Он школу окончил в 1950 году. У нас пять лет разница. Когда мы были в оккупации, он потерял один учебный год, не мог учиться. Так вот, он решил поступить в МГУ. Но у него наивное было представление: он в анкете написал, что отец в семинарии учится. Естественно, его тут же «срезали», не поступил.

Мы не были ни пионерами, ни комсомольцами. Мы ходили в церковь, прислуживали. Он учился хорошо, в школе мог по своему усердию получить медаль, но из-за того, что он не был комсомольцем, ее не получил.

– *Вы сознательно все трое не вступали в пионеры и комсомол?*

– Конечно, сознательно. Меня спрашивали: «Почему ты против вступления?» Я отвечал вопросом на вопрос: «А может в пионерах быть тот, кто ходит в церковь?» – «Нет». – «Так я же хожу, значит, вы не можете меня принять». И когда спрашивали, почему я против, было понятно, что если я выскажу какую-то критику, то моего отца могут опять посадить.

– *Поэтому вы старались подобных разговоров избегать, но все же свою позицию имели?*

– Нет, мы не избегали разговоров, но мы выражали свою позицию от себя лично, не прикрываясь мамой, папой, чтобы никого не подводить. Такое воспитание было.

– *В каких еще случаях вам свое мнение приходилось высказывать?*

– Потом был похожий разговор насчет комсомола, сначала в школе, а потом в институте. Но это все кончилось. В институте обнаружилось, что я не комсомолец, когда уже проучился два года. За меня все это время комсорг сдавал взносы. А потом спрашивает: «А какой у тебя номер комсомольского билета?» – «А у меня его нет». – «Как это?» – «А я не вступал в комсомол». – «Как так?» Ну, главное, деньги идут. Хоть и копейки какие-то, но все-таки деньги.

– *Он из своего кармана за вас платил?*

– Да.

– *И думал, что вы – комсомолец?*

– Я был бедно одет, он считал, что мне оказывает услугу.

А брат Петр поступил в педагогический институт на математический факультет. Поскольку мужчин там было мало, то он поступил, блестяще, однако, сдав экзамены. И опять – сначала приняли, а потом хватились насчет его происхождения. Но тут он уже не писал, что отец у него в семинарии или священник... Написал, что родился в семье служащего, обтекаемо так.

А когда мы с Николаем поступали, то писали, что родились в семье бухгалтера. Это была чистая правда – я родился, когда папа бухгалтером работал. Время было такое – приходилось применять дипломатию.

Помню, я уже учился в школе, у меня спрашивают: «Гром – это что? Это когда Илья-пророк на колеснице по небу едет? Как у вас там говорят, в церкви?» Я отвечаю: «Знаете, впервые это от вас слышу. В церкви никогда такого не слышал». – «О чем там у вас говорят?» – «Приходите, послушаете». – «Да-да, интересно». Они очень хорошо ко мне относились.

– *Эти провокационные вопросы вам дети задавали или учителя?*

– Учителя. Дети вообще не задавали. Были те, кто дразнил: «Попы, монахи», – было такое, но это на улице. Но все же я проучился десять лет, и никто в классе никогда в моем присутствии не смеялся над верой. Я не задумывался, почему это так, но, когда получил характе-

ристику, подписанную классным руководителем (папа потом ее хранил), увидел, что там было написано: «...пользовался уважением и любовью класса». Я не осознавал этого.

– *То есть они уважали вашу позицию?*

– Уважают, когда твердая позиция. Весь город ведь знал. Одна церковь была. Тем более что я ходил с крестным ходом на реку на иордань, на Пасху. Все знали. Нас было несколько человек всего (кроме нас, братьев, были и еще братья из верующей семьи). Молодежь настоящую твердость уважает. Тогда у молодых был идеал мужества.

– *Вообще, вы подвижные дети были? Свободное время как проводили? Не только, наверное, церковная жизнь была, но и общение с другими детьми?*

– Я не понимаю, когда ставят какую-то грань: верующий – не верующий. Кроме того, что мы ходили в церковь и, естественно, не ругались, не курили, не пили, в остальном ничем не отличались от других детей. Так же участвовали во всех играх. В городки, в лапту играли – в подвижные игры. Жили бедно, чтобы играть в городки, мы вырезали из палок чурбачки, бита – обычная палка. А лапта у нас была – мячик черный на двенадцать человек, – это сокровище. В футбол мы не могли играть, у нас просто не было футбольного мяча. Если футбольный мяч где-то появлялся, это была элита! Когда река покрывалась льдом, мы катались, гоняли конский навоз замороженный, играли в хоккей. Ключками служили сучья дубовые. Подбирали, подтесывали, тяжеленные они были, конечно. Это было физическое развитие.

Учились мы с керосиновой лампой, электричества не было. Я так десятилетку и окончил без электричества. А с весны до осени работали в огороде. Копали, сажали, все это поливать нужно было, на речку за водой ходить. А до реки – метров сто. И вот мы договаривались – чтобы побегать, нужно было сначала выполнить норму. И вот когда по пятьдесят раз сбегашь за водой... Я даже не задумывался, сколько это было. Потом, когда посчитал, оказалось, что я пробегал десять километров, из них пять – с полными ведрами на коромысле. Такая у нас была жизнь.

У нас все было такое здоровое, крепкое, добротное, что мы физически укреплялись. Считали, что нужно развиваться, что мужчина должен быть сильным. Тогда использовали утюги чугунные с подогревом, мы занимались с ними, как с двумя гантелями.

Так что мы вместе со всеми остальными детьми бегали, разве что не ругались, не курили.

Жили бедно. Мама работала псаломщицей в церкви, она бежала на службу, а мы вставали, молились, ходили учиться в разные смены. И даже так было. Старший приходил, снимал ботинки, их надевал второй и шел. В одной паре ботинок ходили двое. Это теперь непонятно людям совершенно. Я привык к свободной обуви, потому что у меня нога-то меньше, но главное – влезает. На штанишках ставили заплату, потому что они протирались.

– *Расскажите, пожалуйста, про институтские годы.*

– Когда я поступил в институт, сначала я попал в группу водников – специальность «водный транспорт леса». С одной стороны, я прошел геодезию, таксацию, но с другой – мечта моя была стать механиком. И уже после того, как на целине отличился, я перешел в группу механиков. В 1956 году я добровольцем с третьего курса поехал на целину. После первого курса еще не пускали. Я прикрепился к бригаде старшего брата, будущего отца Николая. Они меня с собой взяли.

Сначала мне было неинтересно учиться, я даже завалил экзамен. Но потом думаю: «Все равно надо же учиться» – и пересдал на «хорошо». Я понял, что православный человек должен быть по возможности специалистом высшего класса. Иначе ему в жизни не будет ходу никакого. То есть специализация его, мастерство, в конце концов потребуется, в чем я убедился потом. Я был председателем кружка технологии металлов, работал на всех станках. Один раз даже шахматы выточил к конференции. Это несложно, главное – сделать резцы, шаблоны. Сваркой занимался, на кафедре тягловых машин. У меня пятьдесят семь лет водительского стажа.

На механическое отделение перешел – сдал экзамены кое-какие, нужно было налегать на учебу. Эта специализация требовала освоить все виды транспорта. На целине я практику проходил, уже имел водительские права.

Освоил и штурманское дело – штурман Военно-воздушных сил. Получилось так, что, когда я еще рос, у меня была мечта путешествовать. Романтика! Представлял, что я капитан дальнего плавания. Это были детские мечты, потому что я не осознавал, что для меня все это закрыто, я ведь не был комсомольцем. В детстве я одно с другим не связывал. Конечно, потом я понял, что это фантазии пустые, потому что ни в какое дальнее плавание меня, православного человека, не пустят. Вот тут получилось чудо. Когда я поступил в институт, в рамках обучения на военной кафедре студентов моего курса готовили в штурманы ВВС. И я прыгал с парашютом, летал. (Вот четыре года назад я в аэропорту «Шереметьево» «боинг» посадил на тренажере два раза.) Господь мне как бы сказал: «Ты хотел быть штурманом? Ты не будешь плавать, а будешь летать». Я сейчас летаю когда, мне говорят: «Самолет – это опасно?» Я отвечаю: «Небо – наш родимый дом. Я штурман». И даже как-то летел в кабине пилота.

И в институте я занимался спортом. Ну, поскольку работать нужно было в леспромхозе, а там кадры были всякие, в том числе и эки, мужчина должен был быть мужчиной. Серьезно занимался боксом, лыжами, потом акробатикой, даже сальто делал. В детстве плавал много. У реки вырос. С гириями каждый день занимались, как подобает. Отец говорил: «Священник должен быть сильным и выносливым». Теперь я в этом убедился. Точно.

Одним словом, Господь все мне показал, и, когда я окончил институт, увидел даже лагеря. Меня, хотя я был беспартийный, вызвал третий секретарь райкома и говорит: «Ваша кандидатура как специалиста предложена для поездки по лагерям с целью технического осмотра». В результате я по зонам проехал с комиссией. Побывал за колючей проволокой с овчарками. Заходишь – за тобой щелк, дверь закрывается, и все, ты в зоне. Видел эков лицом к лицу. Офицер, конечно, меня сопровождал. Так что посмотрел я на эти места, когда на Северном Урале работал.

– *Вы на Северный Урал попали уже после института?*

– Да, по распределению. На практике я был в Нижегородской области, потом в Петрозаводске на заводе работал. Потом – в Тверской области, там были леспромхозы, куда возили студентов. Распределился я на Северный Урал, три года на Чусовой, в Чусовском леспромхозе, работал в конструкторском бюро.

– *И когда же пришла вам твердая мысль принять священный сан?*

– Мысль у меня всегда была, мне отец сказал очень просто: «Учись, работай, если у тебя призвание есть, ты все равно пойдешь. А если это желание куда-то пропадет, то, видимо, и не нужно идти этим путем».

– *Но важно, видимо, было сначала жизненный опыт получить?*

– Конечно, опыт нужен. Когда я уже приехал в Москву, пробыв три года на Урале, то познакомился с владыкой Стефаном (Никитиным), а через него – с его духовником отцом Сергием Орловым, который в Отрадном служил. Вот отец Сергей-то мне и сказал: «Иди». – «У меня, батюшка, опыта мало». – «Опыт будет – сил не будет».

– *А сколько лет вам тогда было?*

– Тридцать. Успел уже в Москве поработать и женился. Я с Урала приехал, сразу женился. Спрашивал у отца Кирилла (Павлова)¹⁵: «Какой мне путь избрать?» Он молодой тогда был, это было лет пятьдесят назад. Он мне сказал: «Господь тебе укажет». В этот же день ко мне подвели будущую супругу – Наталью Константиновну Апушкину. Я так: «Да-да-да» – и не

---

¹⁵ Архимандрит Кирилл (Павлов, род. 1919) – один из наиболее известных старцев XX – начала XXI в., духовник Троице-Сергиевой Лавры, духовник Патриарха Алексия II. Автор многочисленных проповедей и поучений, широко общался с верующими по переписке (отправлял до 5 тыс. писем в год). Несколько лет назад перенес инсульт, лишивший его возможности двигаться и беседовать с людьми.

обратил сначала на нее внимания. А потом уже на свадьбе брата обратил внимание, подумал: «Какая скромная девушка с косами. Есть же такие еще». Тогда уже все были стриженные.

Потом попал к отцу Евгению Тростину¹⁶, ему было девяносто с лишним лет. Старчик такой был. Он говорит: «Тебе надо жениться». – «У меня никого нет». – «Но ты видел кого-нибудь сейчас?» – «Да, я видел вообще-то». – «Вот на ней и женись». И перекрестил меня иконой святителя Николая со словами: «Сим победишь. Иди на ней женись». Оказалась она дочерью Елены Владимировны Апушкиной, духовного чада отца Алексия Мёчева, служившего в храме святителя Николая в Клённыхках. Вот святитель Николай и привел. Я же его почитал – родился в Зарайске, там икона почитаемая святителя Николая.

– *Отец Валериан, кто оказал наиболее сильное влияние на вас в выборе священнического пути? Наверное, прежде всего ваш родной отец, кто-то еще?*

– Одним из моих духовных наставников был отец Алексей Резухин¹⁷. После войны он был настоятелем в зарайском храме. В основном там служили старые священники, а он был молодым, энергичным, деятельным. Вот он подавал пример настоящего пастыря, ревностного, самоотверженного, бесстрашного. В те времена ходил в рясе с тросточкой. Он говорил проповеди, церковь наполнялась народом. И краем уха я услышал, как кто-то из местной власти сказал: «С таким попом коммунизм не построишь». Через некоторое время его от нас перевели. Мы со слезами расставались, конечно. Он в детстве такой пример мне подал.

У нас храм Благовещения был, а в нем два придела: архангела Михаила и преподобного Сергия. Я каждую службу, когда бывал там, к образу Благовещения прибегал, Матери Божией молился, чтобы меня сподобила послужить Богу. Больше ничего не просил. Только служить Богу. Вот я и служу. С утра до вечера.

– *Как вы познакомились с отцом Сергием Орловым?*

– Когда я стал общаться с моей будущей супругой, она спросила: «Хочешь познакомиться с архиереем?» – «Конечно, с удовольствием». Она меня привела к владыке Стефану (Никитину). Он сказал: «Делай предложение». – «Благословите». То есть благословение на женитьбу я неоднократно получил.

А умер владыка в Калуге. Я за неделю до этого навестил его там, и он беседовал со мной очень интересно. И вот с гробом владыки Стефана я приехал сюда, в Отрадное. Здесь его похоронили. И тут впервые я увидел отца Сергия. Стал сюда ездить к могиле владыки и с отцом Сергием общался. Поскольку я вырос в церкви, читал, пел, для меня и этот приход был как родной дом. Я стал помогать отцу Сергию за богослужением. Потом он мне говорит: «Иди служить к нам. Инженеров полно, а батюшек не хватает».

– *То есть вы этот путь от псаломщика до диакона и священника именно в этом храме прошли?*

– Нет, так нельзя сказать. Я с детства рос в церкви и все время везде как-то участвовал. Помогал отцу в церкви, когда был студентом. В другом храме помогал, в Пушкино. Как-то однажды даже хором управлял. То есть я привык, вырос так, понимаете. Окончил семинарию за год, потому что был довольно подготовленным. Знал Устав. Я мог наизусть прочитать шестопсалмие. Когда в этом живешь, то несложно. Понимаете, я церковной жизнью жил, она настолько стала моей плотью и кровью, что даже не задумываюсь: а как иначе?

И читать по-церковнославянски для меня было обычным делом. Когда еще в школе учился, начал читать одновременно и по-русски, и по-славянски. А молитвы я слышал, знал

---

¹⁶ Протоиерей Евгений Тростин (1878–1967) – с 1942 г. настоятель Спасского храма села Петровское Щелковского района Московской области. Принимал для духовного совета и наставления множество людей из разных уголков России.

¹⁷ Протоиерей Алексей Резухин (1921–1999) родился в Вологде в семье военного; в 1942 г. призван в армию, в 1945 г. поступил в Богословский институт в Москве, в 1947 г. рукоположен в диакона и священника. Служил в храмах Зарайска (1947–1949), Москвы (1949–1950), Костромы (1950–1954), в тульском Всехсвятском кафедральном соборе (1954–1978), с 1978 г. был настоятелем Успенской церкви города Богородицка Тульской области.

их на память. И когда мне текст показали, я стал читать их и быстро освоил церковнославянский язык. По литературе у нас была учительница, которая родилась в девятнадцатом веке, образование у нее было дореволюционное. Она берет у меня сочинение и говорит: «Кречетов, у вас в сочинении славянские обороты». Я мог сказать «яко» или что-нибудь в этом роде. Это наш родной язык вообще-то. Сейчас язык засорен массой иностранных слов, которые многие не понимают, а эти слова понятные.

Так я и вырос с двумя родными языками: церковнославянским, языком наших пращуров, и современным литературным языком. Разделения между жизнью церковной и обычной вообще не было. Единственное не сквернословил, у меня такого не было. И в молодежных посиделках не участвовал. Но в кино ходил. Во-первых, кино было целомудренным, во-вторых, было интересно смотреть все эти фильмы: «Тарзан», про мушкетеров, ковбоев. Там о серьезных вещах шла речь, мужчины были как мужчины. Под впечатлением от виденного я на козу лассо набрасывал, метал ножи, топоры, двери исковеркал. Мне попало. Мы росли, как должны расти мальчишки.

– А в вашей уже семье, у ваших детей был телевизор?

– Не было. Это сознательная позиция. Я сам вырос без телевизора. На это еще деньги нужны, а мы жили скромно. И потом – зачем? Я вырос спокойно без этого, и дети мои тоже. Эрудированные люди – отец Тихон¹⁸, отец Федор¹⁹. Телевизор иметь совсем необязательно. Человечество тысячелетиями жило без этой машинки, и умственное развитие было не хуже современного.

В нашей семье много читали. У нас бабушка, Царство ей Небесное, бывало, съест за обедом свою порцию быстро и, пока ребята там сидят, читает что-нибудь. Диккенса, например. Детям своим, внукам читала.

Сам я светской литературы читал очень мало. В тот период, когда я учился в школе, с нами жила Матрона Мамонтовна, монахиня с Украины. Вообще, монашеское имя ее Митрофания, постригал ее сам отец Иоанн (Крестьянкин). Она была послушницей чуть ли не до восьмидесяти лет. У нее были прекрасные духовные книги – епископа Игнатия (Брянчанинова). Она просила меня: «Валюшка, я безграмотная, ты мне не считаешь?» Ну, я же грамотный, я, конечно, ей читал. И начитался Игнатия (Брянчанинова) – «Аскетические опыты», «Отечник». Там такая глубина, там такая ясность, что я после этого ничего не мог читать. Мне даже Достоевского не очень читать хотелось, много там страстей. А в аскетической литературе о добродетели, о духовной жизни говорят конкретные вещи.

Мой папа любил изречение: «Христианство – это жизнь». И я так называл цикл своих проповедей, выступлений. Там говорится, насколько настоящая духовная жизнь связана с нашей повседневной жизнью. Понимаете, существует искусственный и искаженный взгляд на соотношение духовной и мирской жизни. На самом деле духовная жизнь пронизывает все. И жить-то можно подлинно только ею. А все остальное – это, как у нас говорят, виртуальность или просто фантазии. Христианство же говорит конкретно о состоянии человеческой души, ума.

– Так кто же, батюшка, вас благословил на рукоположение?

– Отец Сергей Орлов. Он сказал, чтобы я сходил к архиерею. Я к нему пришел, тот ответил, что очень уважает отца Сергея, но им запрещено рукополагать людей с высшим образованием. Потому что политика такая была: духовенство должно быть безграмотное, необразованное, серое. В реальности это наоборот, конечно, было, но вот какие-то препоны и ограничения ставились. И тогда поскольку моим свояком был профессор Московской духовной

¹⁸ Иерей Тихон Кречетов (род. 1966) – сын протоиерея Валериана Кречетова, клирик Марфо-Мариинской обители в Москве.

¹⁹ Протоиерей Федор Кречетов (род. 1967) – сын протоиерея Валериана Кречетова, настоятель Патриаршего подворья, храма вмч. Георгия Победоносца в Грузинах (Москва).

академии Константин Ефимович Скурат²⁰, то я с ним заговорил об этом. Он поговорил уже напрямую. Тогда – Царствие Небесное – Даниил Андреевич Остапов²¹, личный секретарь Патриарха Алексия I²², заместитель председателя хозяйственного управления Московской Патриархии, человек очень мудрый, подсказал: «Давайте инженером его возьмем». И я стал инженером при Патриархии.

– *А что такое инженер при Патриархии?*

– Тогда софринского производства еще не было. Но при Патриархии были мастерские. Там станки стояли. Одним словом, тоже механика. Делали всякую утварь церковную, свечи, ладан. И потом, уже как сотрудник Патриархии, я подал прошение о поступлении в семинарию. Поскольку я был довольно основательно подготовлен, сразу за четыре курса сдал, прямо по предметам сдавал.

– *Матушка вас поддерживала во всем?*

– Матушка, конечно, поддерживала. Когда я с ней познакомился, то уже думал о священническом служении, еще до разговора с владыкой Стефаном, до отца Сергия я об этом думал. У меня было такое горение, что вот готов был тут же пойти, пока еще учился. Времена были такие.

А потом я познакомился с ее духовным отцом Николаем Голубцовым²³. Это был духовник блаженной Матронушки Московской. Он был удивительный человек святой жизни. Говорю ему: «Я хотел бы священником быть». – «Готовься». – «Я к этому готовился всю жизнь». Он мне сказал: «На ней женишься – будет сделан твой первый шаг к священству». То есть она – точно матушка. Она действительно матушка, я из-за нее-то и стал священником, через нее-то все и получилось.

– *Вы жили довольно скудно, и матушка как-то смиренно относилась к этому.*

– Что было, то было. Я вырос в нужде, и студенческие годы так же прошли. Что ели? Когда появился хлеб бесплатный в столовой и его можно было смазывать горчицей, это уже было счастье. За пятьдесят с лишним лет супружества у нас никогда не было разговора о деньгах. Никогда. Больше того, когда я работал уже инженером и у нас было трое детей (накануне моего рукоположения), думал, может, куда-то двигаться, как-то обеспечивать? Средств мало-вато, семья растет, а я один работал-то. Я говорю: «Может, перейти в другое место? Там в командировки нужно ездить, но буду больше получать». Она говорит: «Нет. Мы как-нибудь проживем, только лучше будем вместе». Я благодарен ей за это. И действительно, Господь дал постепенно.

---

²⁰ Скурат Константин Ефимович (род. 1929) – с 1955 г. преподаватель ряда московских духовных школ, магистр богословия (1970), доктор церковной истории (1978), заслуженный профессор МДА.

²¹ Остапов Даниил Андреевич (1894–1975) – личный секретарь и келейник Патриарха Алексия I (Симанского), с 1956 г. – заместитель председателя хозяйственного управления Московской Патриархии.

²² Патриарх Алексий I (Симанский, 1877–1970) занимал Московский Патриарший престол с 4 февраля 1945 г. до своей кончины 17 апреля 1970 г.

²³ Протоиерей Николай Голубцов (1900–1963) родился в семье профессора МДА А. П. Голубцова. По образованию агроном-полевод. В 1949 г. сдал экзамены за курс Московской духовной семинарии, рукоположен в диакона и священника. Служил в московской церкви Ризоположения на Донской улице и в Малом соборе Донского монастыря. Среди духовных чад отца Николая было много интеллигенции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.